

Бурдина Гульнара Мансуровна

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИКРОМИР ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В

В данной статье рассматривается жилищно-бытовое пространство городской семьи в условиях уездных городов Вятской губернии во второй половине XIX в. как важная составляющая основа микромира семьи. Выявляются характерные особенности жилищных форм и условий проживания семей основных городских сословий. Раскрываются факторы, оказывающие существенное влияние на внешний вид жилья, хозяйственные постройки, внутреннее пространство и убранство домов горожан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 31-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 908(470)

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается жилищно-бытовое пространство городской семьи в условиях уездных городов Вятской губернии во второй половине XIX в. как важная составляющая основа микромира семьи. Выявляются характерные особенности жилищных форм и условий проживания семей основных городских сословий. Раскрываются факторы, оказывающие существенное влияние на внешний вид жилья, хозяйственные постройки, внутреннее пространство и убранство домов горожан.

Ключевые слова и фразы: городская семья; пространственный микромир семьи; купеческая усадьба; уездный город; Вятская губерния.

Бурдина Гульнара Мансуровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал) в г. Елабуге
burdinagm@yandex.ru

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИКРОМИР ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ©**

Изучение развития института семьи традиционно привлекает внимание исследователей разных направлений. Для историков особый интерес представляют вопросы, касающиеся изменений, происходивших в семье под воздействием общероссийских и региональных тенденций. Процессы модернизации в России второй половины XIX столетия, распространившиеся на все сферы жизни общества, в первую очередь коснулись городского образа жизни, что, в свою очередь, оказало влияние на весь семейный уклад горожан в целом. Особый интерес вызывает исследование трансформации семьи в условиях уездных городов, так как уездный город российской провинции второй половины XIX века представлял собой уникальный социокультурный феномен.

В XIX – начале XX в. в состав Вятской губернии входили 10 уездных городов: Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Уржум, Яранск.

Важной составляющей основой микромира семьи является то культурное пространство, которое ее окружает, – дом, квартира, комната или часть комнаты, так называемый «угол», так как с понятием «пространство дома» соотносятся все значимые категории картины мира у человека.

В исследуемый период идеальным местом проживания семьи был свой добротный, комфортный для жизни и удобный для хозяйственной и профессиональной деятельности членов семьи дом. Для уездных городов XIX в. было характерно проживание семей в деревянных, полукаменных или каменных домах-усадьбах. Основное население уездных городов Вятской губернии во второй половине XIX в. составляли мещане и крестьяне, поэтому в городских постройках данного периода преобладали дома именно этих сословий. Так, в г. Яранске в 1885 г. из 370 частных домов мещанам принадлежал 121 дом, крестьянам – 63, солдатам и солдатским детям – 79, купцам – 55, чиновникам – 24, священнослужителям – 22, разночинцам – 6 [5, д. 66, л. 6].

Несомненно, дома зажиточных городских слоев и сословий, в основном представителей первогильдейского купечества, во многом отличались от застроек менее состоятельных горожан. Об устройстве богатой купеческой усадьбы второй половины XIX в. можно судить по описанию усадьбы Гавриила Федоровича Гирбасова, переехавшего в г. Елабугу из г. Екатеринбурга в 1893 г. Для многочисленного семейства Гавриила Федоровича (в семье было десять детей) был построен большой дом. Сама усадьба занимала целый квартал и располагалась между двумя улицами: Алексеевской и Московской. Территория усадьбы была обнесена кирпичной стеной «выше человеческого роста». Видимо, для защиты от диких животных, так как усадьба располагалась на окраине города, и, по воспоминаниям жителей дома, бывало, что «на парадное крыльцо и волки забежали» [2, с. 27]. Центральную часть усадебного комплекса составлял большой дом, выходящий фасадом на Московскую улицу. Дом был двухэтажный, с мезонином и крытой застекленной террасой. В первом, цокольном, этаже, построенном из камня, располагалась кухня с двумя русскими печами и хозяйственными комнатами. В одной из них жили кухарка и судомойка, в другой хранились посуда, белье, хозяйственная утварь. Там же находилось устройство для глажения белья: два валика с ручкой, между которыми пропускалось влажное белье. В цокольном этаже располагались и две жилые комнаты. Второй этаж был деревянный. С парадного крыльца на второй этаж вела лестница, которая выходила в широкий большой коридор. Здесь стояли стол и мягкая мебель. На втором этаже располагались гостиная, две жилые комнаты, столовая и комната, в которой жили и работали белошвейки. Небольшая боковая лестница вела в мезонин, где располагались две большие детские комнаты с несколькими кроватями. С террасы, которая примыкала к столовой, можно было спуститься в сад. Летом семья обедала на террасе, за большим столом. По уровню благоустройства дом отличался от большей части елабужских домов. В коридоре, рядом со столовой, находилась переговорная труба, соединенная с кухней, при помощи которой передавались указания относительно порядка подачи блюд. В доме было проведено электрическое освещение и водопровод. В конце коридора второго этажа был устроен ватерклозет – теплая уборная со смывным устройством. В жилых комнатах стояли умывальники, которые наполнялись

водой. Продуманно и экономично была устроена система отопления дома. В отдельный амбар с круподерки привозили гречневую мякину, которую использовали для обогрева дома. Это делалось следующим способом: во внутренней дверце печки делали отверстие, куда вставлялась большая четырехгранная воронка. Высоко над топкой в печке был вбит крюк, на который подвешивался мешок с мякиной так, чтобы она свободно высыпалась в воронку, а оттуда в печь. Как только последняя мякина высыпалась в печку, воронку и мешок убирали, а наружную дверцу закрывали наглухо, привинчивая винтами.

Среднюю часть усадьбы занимал ряд хозяйственных построек, крытых одной железной крышей. Здесь располагались коровник, конюшня, каретник, в котором стояли тарантас, дрожки, линейка, пролетка, а через проход на задний двор – амбар, погреб и сарай для гречневой мякины. Отдельно стояли курятник и индюшатник. Под крышей находился сеновал и места для хозяйственной утвари. К большому хозяйственному строению примыкал флигель для прислуги с двумя комнатами для женщин и мужчин. Отдельно стояла баня, к которой был проведен водопровод. Плотный забор отделял сад и огород от хозяйственного двора. В большом и ухоженном саду росли вишни, яблони, были разбиты цветники и клумбы, здесь располагалась обвитая плющом беседка и земляная горка, обложенная дерном. Для ухода за садом нанимали садовника [Там же, с. 30].

Как отмечает исследователь вятского уездного купечества И. В. Маслова, для купеческой усадьбы второй половины XIX – начала XX в. было характерно наличие аристократических элементов как в архитектуре самого дома, так и во внутренней организации жилого пространства, например выделение зон для отдыха и досуга, что отражало стремление купцов к сближению с дворянским бытом. С другой стороны, купеческая усадьба использовалась в соответствии с торгово-промышленным занятием главы семьи, что во многом определялось преемственностью традиций крестьянского хозяйственного двора, организованного с учетом промысловой деятельности членов семьи [8, с. 217].

Капитально построенный дом со службами (склады, лавки, мастерские, хозяйственные постройки) являлся символом семейного благополучия и успешной деятельности главы семьи. Поэтому, в первую очередь, при повышении социального статуса семьи и ее стабильном материальном положении глава семьи стремился выстроить дом, соответствующий потребностям семьи и своей экономической деятельности. Например, елабужский крестьянин Степан Егорович Антропов в 1842 г. был причислен к купцам III гильдии, в этом же году покупает у мещанина Остальцова место под строительство дома в центральной части города – на углу Казанской и поперечной Спасской улиц [4, д. 250, л. 19]. Стремление к приобретению собственного дома прослеживалось не только у русского купечества, татарские купцы при первой возможности приобретали или строили дом, например, елабужский мещанин Баязитов Ахметша Ишимов, причисленный к купцам III гильдии в 1858 г., в этом же году приобретает место под строительство и уже в 1960 г. «имеет в особой татарской слободе деревянный со службами дом, выстроенный на благоприобретенный капитал» [Там же, л. 9].

Очень часто купцы не ограничивались постройкой одной усадьбы и по возможности приобретали еще несколько домов. Каменная недвижимость считалась выгодным вложением капитала. Например, купец I гильдии Капитон Яковлевич Ушков имел в Елабуге 3 дома: «Имеет каменный дом с изразцами с каменным флигелем на углу против Соборной церкви на Набережной улице, доставшийся по купчей крепости в 1841-1842 годах от Камашева, затем от елабужских мещан Шабалиных. Второй дом – на углу Покровской и поперечной Спасской улиц против Соборной площади, доставшийся по купчей крепости в 1843 году от мещанина П. И. Баутина, и третий – деревянный дом на низком каменном фундаменте, стоящий на Набережной улице в ряд с первым его домом и флигелем, доставшийся по купчей крепости от купчихи Дарьи Фирстовой в 1859 году» [Там же, л. 4].

Купеческие усадьбы, как правило, располагались в центральной части города и составляли небольшую, но наиболее живописную архитектуру уездного города XIX в., являясь показателем экономического благополучия города в целом.

Дома преуспевающих в торговой деятельности мещан мало отличались от купеческих усадеб. Дома горожан, которые занимались ремесленной деятельностью, помимо жилых и хозяйственных помещений включали также производственные постройки или мастерские. Характерные черты устройства жилищ занимающихся производственной деятельностью мещан можно проследить на примере дома сарапульского мещанина Дмитрия Кирилловича Мошечитина: «Двухэтажный дом под железной крышей имел кирпичный низ и деревянный верх из толстых бревен. Окна нижнего этажа выходили только во двор. <...> Внизу располагалась столярная мастерская с двумя верстаками, токарным станком и всевозможными плотницкими, токарными и столярными инструментами. Там же размещалась прачечная и кухня. Огромная печь, которая обогревала весь дом, стояла также внизу. В доме было прогрессивное для того времени калориферное отопление. На втором этаже печей не было, но в стены были встроены кирпичные стояки-трубы, обогревавшие пол и верхние комнаты. В них открывались душники с медными, вычищенными до блеска дверцами для поступления теплого воздуха в комнаты второго этажа. Во второй половине нижнего этажа располагалась кладовая, где всегда хранились овощи, выращенные на собственном огороде... Во дворе дома был свой колодец. В углу дома был теплый туалет, чуланы, лестницы с деревянными перилами и точеными балясинами, ведущие на второй этаж. Планировка второго этажа была коридорного типа. Наверху застекленная веранда, сени с окном, ведущие в прихожую и далее – по коридору в жилые комнаты. Слева находилась кухня с одним окном и отдельной лестницей. Справа – угловой зал – гостиная с пятью окнами, две спальни с одним окном» [7, с. 1]. В целом усадьбы состоятельных мещан по уровню благоустройства и комфорта интерьера не уступали купеческим усадьбам.

Более скромно выглядели дома остальных, наибольшего числа мещан и городских крестьян, которые практически не отличались между собой и более напоминали традиционную крестьянскую избу. К жилой

части деревянного отапливаемого дома примыкали холодные сени. Во дворе под общим навесом располагались хозяйственные постройки и колодец. Колодец строили почти в каждом дворе, вода из него использовалась для питания, стирки, ухода за скотом и огородом, так как вода из реки часто не соответствовала санитарным нормам [5, д. 66, л. 26].

Городские традиции и специфика уездного города оказывали значительное влияние на внешний вид и внутреннее пространство домов горожан. Например, в Котельниче, в котором проходила Алексеевская ярмарка, дома большей части горожан были приспособлены для размещения постояльцев во время ярмарки. Как отмечал И. Е. Глушков, житель Котельнича и член статистического комитета в 1862 г., «в постройке домов здешние жители не отличаются большим вкусом и соблюдением симметрии. Они при постройке домов имеют в виду не собственное удобство, а удобство для постояльцев во время ярмарки. Оттого в большей части домов комнаты устроены так, что почти каждая из них имеет особый ход из сеней» [3, с. 17].

Определенное влияние на внешний вид и внутреннее пространство дома оказывали этноконфессиональные традиции семьи. В уездных городах Вятской губернии в 1897 г. 2,4% от общего числа горожан составляли мусульмане. Больше всего татар-мусульман проживало в Елабуге (498 чел.) и в Малмыже (409 чел.) [10, с. 86-89]. Дома татар-мусульман имели некоторые особенности. Как правило, вход в дом устраивался со двора, видимо, в силу исламской традиции более замкнутого семейного быта [6, с. 395].

Во второй половине XIX в., в связи с усилением миграционной активности сельского населения в города, значительное распространение получает сдача жилья в аренду: квартир, комнат, углов. Семьи переселенцев и значительная часть малоимущих горожан, среди которых были мещане, разночинцы, интеллигенция, чиновники и даже обедневшие купцы, своего жилья не имели. В 1875 г. в Сарапуле 1 095 семей проживали в собственных домах, 627 семей снимали квартиры [11, с. 3].

Внутреннее убранство жилищ горожан различалось не столько сословной принадлежностью, сколько материальными возможностями семьи. Каждая семья стремилась обустроить свое жилище, создать уютное и комфортное окружающее пространство для каждого члена семьи. Домашняя обстановка даже состоятельных семей была простой и уютной. Только гостиная отличалась от остальных комнат более нарядным внутренним убранством. Здесь обязательно располагался круглый стол, гарнитур мягкой мебели – диван и кресла, ломберный столик. На стенах – зеркала, картины, часы с боем. В комнате мог располагаться комод, горка или шкаф для посуды. В спальнях комнатах обычно находился комод с бельем, туалетный столик, у задней стены постель с пологом. Нередко рядом со спальнями располагался кабинет хозяина, где стоял большой рабочий стол под сукном, кресло, у задней стены шкаф с книгами, диван, стулья. На стенах – семейные портреты [8, с. 232, 233]. Необходимую мебель приобретали, как правило, летом, так как ее привозили из Вятки или Казани по водным путям [9, с. 3]. Основную мебель старались сделать на заказ к свадьбе своих детей, которая затем передавалась в семье по наследству. Семья сарапульского купца Виктора Николаевича Баутина, переехавшего затем в Елабугу, получила мебель в подарок к свадьбе в 1858 г. Мебель была сделана на заказ из мореного дуба. В гарнитур входила вся необходимая обстановка дома: «большой раздвигающийся стол с массивными резными ножками, шкаф-буфет, шкаф для посуды со стеклянным верхом (горка), зеркало большое с красивым овальным столиком, шкафы для книг, венские стулья с круглыми вогнутыми в середине сиденьями» [1, л. 8].

Таким образом, отличительной чертой пространственного окружения семей жителей уездных городов Вятской губернии второй половины XIX в. был существующий резкий контраст жилищных форм и условий проживания. С одной стороны, роскошные, каменные купеческие дома, с аристократическими элементами во внешней и внутренней планировке, с другой – скромные деревянные избы большинства горожан. Определенное влияние на внешний облик дома, хозяйственные дворовые постройки, планировку внутреннего пространства дома оказывали местные городские домостроительные традиции, этно-конфессиональная принадлежность семьи, специфика уездного города. В целом жилищное пространство семьи в значительной степени определялось материальным достатком семьи, ее социальным положением, профессиональной и хозяйственной деятельностью главы семьи.

Список литературы

1. **Воспоминания К. В. Польских** (машинопись) // Музей истории учебного заведения филиала КФУ в г. Елабуга.
2. **Гирбасов В. П.** Род Гирбасовых: воспоминания (машинопись) // Музей истории учебного заведения филиала КФУ в г. Елабуга.
3. **Глушков И. Е.** Котельнич. XIX век: топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Исторический очерк г. Котельнича. Киров: Вятский региональный центр русской культуры, 1999. 27 с.
4. **Государственный архив Кировской области (ГАКО).** Ф. 583. Оп. 604.
5. **ГАКО.** Ф. 632. Оп. 1.
6. **Зорин А. Н.** Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. 704 с.
7. **Колчина Л. П.** Семейный уклад и типичный жилой дом старообрядцев г. Сарапула [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eparhia-vtk.ru/upload/350yerseparhy/konferenz/2> (дата обращения: 23.01.2013).
8. **Маслова И. В.** Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. М.: Флинта; Наука, 2010. 352 с.
9. **Описание уездного города Уржума** // Вятские губернские ведомости. 1865. 10 апреля.
10. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.** / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-во Центр. стат. комитета, 1904.
11. **Результаты однодневной переписи г. Сарапул Вятской губернии 28 ноября 1873 г.** // Вятские губернские ведомости. 1875. 9 июля.

SPATIAL MICRO-WORLD OF VYATKA PROVINCE URBAN FAMILIES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY

Burdina Gul'nara Mansurovna

Kazan' (Volga Region) Federal University (Branch) in Elabuga
burdinagm@yandex.ru

The author considers the living space of urban families under the conditions of Vyatka province provincial towns in the second half of the XIXth century as an important component basis of the family's micro-world, determines the features of the housing forms and living conditions of the main urban estates families, and reveals the factors that had significant impact on the appearance of dwellings, farm buildings, the interior space and furniture of the townspeople's houses.

Key words and phrases: urban family; spatial micro-world of family; merchant estate; district town; Vyatka province.

УДК 93(093)

Исторические науки и археология

Цель настоящего исследования – проведение историографического анализа рукописи выдающегося бурятского ученого П. Б. Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков». В статье впервые приводится сравнительная характеристика мнения автора рукописи с мнениями других отечественных исследователей об актуальных проблемах изучения истории Тувы: «урянхайском пограничном вопросе», периоде установления политического господства маньчжуров. Основное внимание уделено анализу точки зрения П. Б. Балданжапова на вопросы административной и переселенческой политики Цинского Китая в Туве.

Ключевые слова и фразы: историография международных отношений в Туве; П. Б. Балданжапов; Цинский Китай; спорность территории; политика маньчжуров в Туве; Урянхай; Тува.

Василенко Виктория Александровна, к.и.н.

Восточно-Сибирская государственная академия образования
vasil-vic79@yandex.ru

ОЦЕНКА П. Б. БАЛДАНЖАПОВЫМ ПОЛИТИКИ ЦИНСКОГО КИТАЯ В ТУВЕ В ПЕРИОД С XVII ПО XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСИ «ТУВА ПОД ГНЕТОМ МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ»)©

В бурятской историографии история международных отношений в Туве в период с XVII по XIX вв. фактически не освещалась долгое время. Вместе с тем, аспекты указанной проблематики рассматривались в многочисленных отечественных и зарубежных научных трудах [7; 8; 11; 13; 18; 22-24].

В прошлом году в научный оборот была введена рукопись выдающегося бурятского ученого П. Б. Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков». Во втором номере журнала «Новые исследования Тувы» за 2012 год был представлен частично текст самой рукописи, и дана ее общая характеристика [2]. П. Б. Балданжапов на сегодняшний день по-прежнему остается единственным ученым Бурятии, рассмотревшим подробным образом аспекты политики Цинского Китая в Туве в период с XVII по XIX вв. Сравнение точек зрения автора с мнениями других исследователей дополнит историографический обзор по указанной проблематике.

Рукопись «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» хранится в личном фонде П. Б. Балданжапова в Бурятском научном центре Сибирского отделения РАН. Свое исследование Пурбо Банданович написал, опираясь на известные труды по истории Тувы, опубликованные до 1944 года. По этой причине, а также в связи с тем, что точный год окончания рукописи пока установить не удалось, при анализе точек зрения автора я буду обращаться преимущественно к отечественной историографии, датированной не позднее 1945 года.

Условно рукопись можно поделить на три раздела: «История включения Тувы в орбиту влияния Китая», «Оценка влияния маньчжуров на социально-экономическое развитие Тувы» и «Национально-освободительная борьба тувинцев против маньчжуров».

П. Б. Балданжапов начинает описание процесса присоединения Тувы к Китаю со времени распада Северного Тувинского княжества и захвата западной части Тувы джунгарцами. Впоследствии общая угроза со стороны маньчжуров вынудила джунгарцев заключить временный союз с тувинскими племенами. Этот союз, по мнению автора рукописи, был исторически оправдан, поскольку помог отсрочить закабаление Тувы Китаем [1, д. 118, л. 3]. Постепенное включение урянхайцев (тувинцев – В. В.) в сферу интересов Цинского Китая происходило в условиях непрерывных вооруженных столкновений, несмотря на численное превосходство маньчжур [Там же, л. 9]. Официальное подчинение Тувы стало возможным только после разгрома Джунгарского ханства Китаем в 1755 году. Справедливость оценки трехсторонних